

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Л.Н.ГУМИЛЕВА
(КАЗАХСТАН, Г. АСТАНА)
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
(РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, Г. СТАВРОПОЛЬ)
ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР
«ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НАУКА, ПРАКТИКА,
ОБУЧЕНИЕ»

11-13 ноября 2018 года
СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

АСТАНА, 2018

УДК 811.161.1

ББК 80/84

Рецензенты: Джамбаева Ж.А. , д.ф.н., доц.
Альбекова А.Ш., к.ф.н., доц.

Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, д.ф.н., проф. В.П. Ходуса.

Члены редколлегии: д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, д.ф.н., проф. В.П. Ходус, д.ф.н., проф. Ж.С. Бейсенова, к.ф.н., и.о. проф. Мукажанова Л.Г., к.п.н., ст. преп. Ауезова А.Т., маг. Кикеновак Б.Н.

Филологические знания на современном этапе: сборник материалов Международного научно-практического семинара (11-13 ноября 2018 г., г.Астана)/ Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, д.ф.н., проф. В.П. Ходуса. – Астана: «Мастер ПО», 2018 – 110 с.

В сборник материалов Международного научно-практического семинара «Филологические знания на современном этапе: наука, практика, обучение» вошли результаты исследований, охватывающих широкий спектр литературоведческих и лингвистических проблем. Темы статей посвящены педагогическим технологиям обучения языку в вузе и школе, актуальным проблемам языкознания и литературоведения, анализу и интерпретации художественного текста.

УДК 811.161.1

ББК 80/84

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

- Майбалаева А.А.** К вопросу об организации лексической основы учебника «Русский язык для тюркоязычной аудитории» 5
- Мукажанова Л.Г.** Эффективное развитие речевой коммуникации на занятиях по русскому языку..... 8
- Токсанова С.К.** Формирование коммуникативной компетенции студентов при обучении русскому языку..... 12
- Хамидова А.Х.** Учет экстралингвистического фактора при обучении русскому языку как неродному..... 15

Секция 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Астахова Е.С.** О современных средствах экспрессивизации и их роли в интерпретации текста..... 20
- Ауезова А.Т.** Публицистическая номинация как отражение социально-политических процессов 23
- Бейсенова Ж.С.** Язык как средство хранения культурно-исторической информации..... 27

Секция 3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Абаганова А.О.** К вопросу о категории деконструкции метатекста и интертекста романов Виктора Пелевина..... 35
- Бекетов А.З.** Цифровая книга и мультимедийные средства продвижения литературы..... 40
- Жамбабаева Г.Т., Асылбаева А.С., Кенжегулова А.С.** Общие функции в русских и казахских волшебных сказках..... 43
- Жантогулова Г.У.** Роль временных и пространственных характеристик в определении жанрового своеобразия романа В. Аксенова «Московская сага» 47
- Жапанова М.Е., Куракбаева Ж.А.** Аксиологические мотивы в рассказе «Четыре

дня» В.М. Гаршина.....	51
Жумсакбаев А.Т. Новаторство А.П. Чехова в драматургии.....	55
Козбагарова Г.И. Жанровая поэтика русского фэнтези на рубеже XX-XXI веков (на материале романов Н.Д.Перумова «Земля без радости. Хроники Хьерварда», «Алмазный меч. Деревянный меч»).....	57
Канафина М.А., Кальчевская Е.Н. Специфика юмора Михаила Зощенко.....	60
Мажитова Д.М. Художественная флористика в русской поэзии XIX века (символика цветов).....	65
Мамырбаева Б.Ж. Своеобразие художественных ценностей произведений (на материале Ч. Айтматова «И дольше века длится день»).....	67
Мусабекова Р.М., Тажбаев Р.З. Мотив разлуки в творчестве Г.К. Бельгера.....	71
Нургали К.Р. Интеллектуальные векторы тюркского мира в исторической романистике Казахстана.....	75
Саттаров А.Б. Музыка и образ музыканта в русской литературе	79
Стогний Д.А. Литературный образ в аспекте диахронического рассмотрения: Тартюф в одноименной комедии Мольера.....	85
Тусупова А.К., Жуманова К.А. Жанровые особенности философской сказки (на материале произведения Ф. Искандера).....	88
Ходус В.П. Гармонизация литературоведческих и лингвистических подходов в исследовании литературного произведения (на материале образа семьи в художественном мире М.Шолохова.....	92
Чулкова А.Э. Особенности выражения чистоты и непорочности в произведениях А.С.Пушкина.....	96
Шавлохова Ф.В. Национальные образы в осетинской литературе: рассказ «Охота за турами» и этнографический очерк «Особа» К.Л. Хетагурова.....	100
Шашкина Г.З., Муканова Ж.Р. Частотный словарь как метод реконструкции художественного мира поэта (на материале сборника стихотворений Б. Канапьянова «Смуглая луна»).....	102
Шашкина Г.З., Турысбекова Ж.Р. Картины природы в художественной литературе. Сопоставительный аспект (на материале произведений Б.Каирбекова и русских писателей).....	107

5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л.: 1947. – 510 с.
6. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В.Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М.: 1984.
7. Гак В.Г. К типологии лингвистической номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977. – С. 21.
8. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М., 1982. – С. 4.
9. Колшанский Т.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – С. 21.
10. Леонтьев А.А. Психолингвистический аспект языкового значения. Принципы и методы семантического исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 46-76.
11. Мечковская Н.В. Язык и общество // Общее языкознание. – Минск, 1983. – С. 118.
12. Потемня А.А. Мысль и язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. В очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч.1. – С. 122.
13. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке // Язык и мышление. – М., 1988. – С. 8.
14. Сулейменова Э.Д. Несколько эпистемологических замечаний о языке и ретроспекции // Вестник КазНУ. Серия филол. – 1998. – №18. – С. 80-84.
15. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – С39.
16. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: виды наименований. – М., 1977. – С. 108-110.
17. Щерба Л.В. Очередные задачи языковедения // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 74-140.

Секция 3. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ДЕКОНСТРУКЦИИ МЕТАТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА РОМАНОВ ПЕЛЕВИНА

Абаганова Асель Оразгалиевна

магистр филологии

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме интертекстуальности. Автор в своей статье пытается найти отражение интертекстуальности в романах Пелевина. Где происходит включение в роман более ранних произведений или идут отсылки к классическим произведениям, с новой контаминацией текста. Также дается определение понятию метатекст и его отличию от интертекста.

Ключевые слова: интертекстуальность, Пелевин В.О., деконструкция, текст, метатекст, карнавальность, атрибутивные цитаты.

Abstract

This article is devoted to the problem of intertextuality. The author in his article tries to find a reflection of intertextuality in Pelevin's novels. Where is the inclusion in the novel of earlier works or are references to classical works, with a new contamination of the text. The definition of the metatext and its difference from the intertext is also given.

Keywords: intertextuality, Pelevin V.O., deconstruction, text, metatext, carnival, attributive quotes.

В культуре постмодернизма интертекстуальность стала частью культурного дискурса и одним из основных художественных приемов, поскольку принципиальная эклектичность и цитирование являются доминирующими чертами современной культурной ситуации. Произведение постмодернизма «вбирает» в себя любые элементы всего накопленного опыта, прочитывая его удобным для себя способом и соотнося с любыми другими художественными текстами.

Проблему интертекстуальности условно можно рассматривать в двух аспектах: интертекстуальность как принципиальный художественный прием и интертекстуальность как метод прочтения любого текста. В некоторых случаях попытка автором «вобрать» в себя или, наоборот, «преодолеть» какое-либо предшествующее произведение, часто носит чисто бессознательный характер.

Интертекстуальность – термин, который обозначает спектр межтекстуальных отношений, любой текст, который всегда является составной частью широкого культурного текста [1, 374]. Вопрос об интертекстуальности продолжает проблематику диалогического понимания, рассматриваемую в работах Бахтина и предлагает рассматривать любой текст

как открытую структуру. В пелевинском тексте, всегда присутствуют отсылки, аллюзии, цитаты. Таким образом, текст существует за счет многих других предшествующих текстов.

В романах Пелевина, рассматриваемый интертекстуальный подход, выражается во взаимодействии «свой» и «чужой» текст, поэтому возникает особая проблема – соотношение разных культур и традиций в романах Пелевина. Можно предположить, что Пелевин использует психоаналитическую модель интертекстуальности романов и через призму интертекста им осмысливается ряд важнейших аспектов постмодернизма: проблема автора/читателя, категория игры, двойного кодирования, карнавальности текста.

Автор побуждает своего вдумчивого читателя не только к сравнению рассказов, представленных поздними произведениями, но и к сравнению произведений, созданных на различных этапах творчества, в том числе более ранние. Эти характерные особенности можно объяснить с помощью такого понятия как повторное чтение. Греймас утверждает, что эта форма чтения позволяет читателю возвращаться к тем частям текста, которым он раньше не приписывал большого значения, и таким образом восстанавливать изотопию [2, 249].

Интертекстуальность в романе В. Пелевина представлена самыми разнообразными формами: это атрибутированные и неатрибутированные цитаты – переделки, наполняющиеся в контексте произведений писателя совершенно противоположным, чем в первоисточнике (претексте) содержанием, псевдоцитаты, а в большинстве случаев интертекстуальность у В. Пелевина проявляется на уровне аллюзий. Элементами пелевинского интертекста являются произведения литературы и искусства, сюжеты, мотивы, образы древних мифов, философские идеи различных эпох.

В романах Пелевина В.О. можно проследить взаимоотношение текста к не-тексту. Системен или не системен параллельный тексту мир, или он лишь симулирует реальную действительность, хотя отдельные его фрагменты могут описываться как части одной системы в романах, при помощи авторских отступлений или вкраплений текстов другого характера, например, высказывания других героев, через слова которых можно проследить различные точки зрения автора.

Так, Пелевин с помощью циклизации в своём мегатексте с одной стороны направляет внимание читателя к повторяющимся образцам (человеческого действия и культуры вообще), или же к литературным памятникам прошлого, классике, а с другой к динамике, присущей каждому отдельному субъекту и его дискурсивной реализации. Автор ссылается на древнейшие образцы литературного творчества, соизмеряя себя с избранной культурной традицией, где в роли мифа выступают различные легенды и художественные произведения.

Текст данного типа возникает благодаря действию героя-интенции (волк, лиса) и введенных ими дискурсов. При этом текст является стилизацией, которая проявляется в создании героя-маски. Эти декорации, с одной стороны, есть результат действия интенции и дискурсов, а с другой, обеспечивают возможность такой деятельности. Они являются оболочкой, позволяющей читателю воспринимать ее как текст.

В эпоху постмодерна, возникает потребность в понятии метатекста, приобретающем предельную многозначность. Наличие вариативных интерпретаций термина мотивировано значением приставки мета- (от греч. meta – после, за, через), используемой в логической терминологии для обозначения систем, описывающих другие системы, например, метаязык, метаистория [5, 104], а также этимологической полисемией слова «текст» [6, 105] как такового.

Термин «метатекст» активно используется в теории перевода (оригинальный текст/перевод), литературной критике (художественное произведение/критический комментарий), библиографии (свернутое описание первоисточника), литературоведении, лингвистике, психолингвистике, герменевтике, семиотике искусства, культурологии и т.д.

В лингвистической традиции (А. Вежбицкая [7, 402], М. Р. Шумарина и др. В литературоведении особый интерес к проблеме авторефлексивных текстов, описывающих процесс собственного создания, проявляли М. М. Бахтин (в контексте анализа понятий «чужой речи», «диалогического слова») [8, 187], Ю. М. Лотман (исследовавший в рамках

семиотического подхода структуру «текст в тексте», проанализировавший метатекстуальную природу пушкинского «Евгения Онегина») [9, 514], Д. М. Сегал (определивший основные черты текстов с «автометаописательной» структурой) [10, 692], М. Н. Липовецкий (выявивший устойчивые признаки поэтики метапрозы) [11, 110], Ж.-Ф. Жаккар (работающий с поэтикой автореференциальных текстов, «говорящих о себе самих») [12, 227] и др.

Понятие метатекстуальности, вошло в научный обиход сравнительно недавно, в 1970-80-х годах. Дополнительные трудности с использованием понятия «метатекст» связаны с размытостью содержания термина вследствие многообразия подходов к осмыслению его сущности. В науке в настоящее время существуют понятия, дублирующие существующие или являющиеся частичными синонимами, например: «метапроза», «метароман» (М. Н. Липовецкий), «металитература», «метаповествование», «рефлексивное произведение» (Д. П. Бак), «текст в тексте» (Ю. М. Лотман, В. П. Руднев), «текст о тексте», «автометаописание» (Д. М. Сегал), «автореференциальное» произведение (Ж.-Ф. Жаккар), «автометатекст» (С. Зенкин, В. С. Киселев), «метапоэтическое» (Т. Цивьян), «интекст» (текст в тексте) (П. Х. Тороп) и др. Словообразовательно эти терминологические варианты уже указывают на типологические черты метатекстуальности: автореференциальность, автометаописательность, наличие структуры «текст в тексте» и пр.

Кроме того, в целях уточнения терминологического аппарата исследования и во избежание возможной путаницы важно обозначить ответ на вопрос о том, чем метатекст отличается от интертекста. Если интертекст рассматривает данный текст во всём многообразии его связей с другими, обычно чужими произведениями, то для метатекста характерна «замкнутость произведения на себе», литературная саморефлексия автора.

Однако очевидно, что роль метатекста в произведении выражением авторского отношения к собственному творению, несмотря на всю его важность, всё же не исчерпывается. Метатекст способен выполнять в произведении и другие функции, набор которых может варьироваться в зависимости от автора и конкретного текста.

С нашей точки зрения, роман Пелевина, можно представить в формате единого авторского сверткста или своеобразного гипертекста – сети переплетенных текстов, сам автор постоянно отсылает к своим текстам, написанным ранее; связанных системой выявленных связей, перекрестных ссылок для нелинейного прочтения. Согласно определению В. Руднева, гипертекст – это «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [13, 234].

Как замечает Ю. М. Лотман, «стоит ввести рамку в текст, как центр внимания аудитории перемещается с сообщения на код» [14, 234]. Несмотря на стремление стать автономной реальностью, метатекст намеренно демонстрирует принципы собственного построения, признается в искусственности, сконструированности. По словам У. Эко, «читатель как активное начало интерпретации – это часть самого процесса порождения текста» [14, 234]. Таким образом, важной чертой метатекстов является «специфическая активизация читателя, поставленного в положение со-участника творческой игры» [15, 72].

Еще один устойчивый признак метапрозы, выделяемый М. Н. Липовецким, – «пространственно-временная свобода, возникающая в результате ослабления миметических мотивировок», связанная с «творческим хронотопом» (М. Бахтин), приобретающим равные права с окружающим его «реальным» хронотопом [16, 162].

Метатекстуальные элементы, такие как рамочная композиция, предисловие, комментарий, вставной текст в тексте, открытое обращение к читателю, авторские «лирические отступления», метаязыковые размышления о словах, литературе и пр., характерные для метатекстов, которые присутствовали ранее, например, сочиненная Иваном Карамазовым легенда о Великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского или разыгранная героями пьеса в «Гамлете» В. Шекспира.

Читатель, углубляясь в перипетии жизни и судьбы лисы А Хули становится потенциально героем книги, и в тексте, все чаще распознает образ автора, самого Пелевина.

Игровой модус повествования допускает «оглядочное» и «лазеечное» право на высказывание о сверхистине, сакральном, о котором нельзя уже говорить всерьез, ведь любое слово о правде превращается в ложь. Так, главные герои ищут сверхоборотня и пытаются вызвать его, проведя ритуал вызова духа.

Речь героев, лексически разнородная, все время балансирует на грани литературности и нелитературности, переключаются высокие и низкие регистры. Стилистические зоны становятся способом различения хронотопов, в которых пребывают герои. Текст раскладывается на отдельные фрагменты, с исторического описания, до бранных слов в речи ероя волка-оборотня, а также на отдельные истории повествующие о жизни лис в различные эпохи. Такая структура произведения призвана мистифицировать читательское восприятие, устанавливая несколько одновременных точек зрения на положение в тексте авторской инстанции, активизируя читательский поиск.

«Священная книга оборотня» снабжена предисловием, в котором представляется писателем как рукопись, попавшая в наш мир странным путём. Приписан этот «Комментарий эксперта» майору милиции, двум литературоведам и телеведущему. Так уже на первых страницах книги, изображая официальное отношение к ней, Пелевин показывает противоречия между обществом и свободной личностью, самостоятельные духовные поиски которой рассматриваются компетентными органами как сомнительные, и даже обретение ею конечной духовной реализации предстаёт с точки зрения социума как странное происшествие, по которому едва ли не стоит возбудить уголовное дело.

Знаменательно, что кандидаты филологических наук и телеведущий наделены «говорящими» именами, выражающими авторское отношение к их обладателям. Так, фамилия Кошкодавленко явно происходит из малосимпатичного словосочетания «давить кошек» и, помимо аллюзии на известный эпизод из фильма по повести М. Булгакова «Собачье сердце» ассоциации, естественной для именованного литературоведа, несёт в себе явно негативные коннотации. Имя другого учёного Майя отсылает к введённой в европейский культурный обиход с лёгкого пера А. Шопенгауэра восточной богине иллюзии, что подтверждает и фамилия персонажа – Марачарская, этимологически восходящая к чарам, наваждению Мары, т. е. буддийского дьявола.

Менее отрицательна авторская оценка ведущего программы «Караоке о Главном», наделённого балтийским именем Пелдис (сравни имя реального шоу-мэна Валдис Пельш) и выражающей профессиональную установку на обаятельность фамилией Шарм. Само название передачи, которую он ведёт, впрочем, весьма показательно: караоке как пение чужих песен по подсказке телевизора вполне можно рассматривать как знаковое явление, своего рода символ манипулирования сознанием зрителя.

Общим для упомянутых четырёх экспертов является то, что все они выступают в глазах писателя как представители государственной власти в разных её ипостасях. Но если включенность во властную вертикаль майора милиции очевидна, то постановка в неё трёх других персонажей требует особого комментария. Несмотря на то, что они не носят погон и не оказывают прямого силового воздействия на общество, эти герои наделены способностью воздействовать на умы людей, заставляя их думать в нужном направлении для государственной машины. Но поскольку именно это незаметное влияние оказывается наиболее эффективным для неё, самые агрессивные фамилии получают у писателя именно литературоведы, а не милиционер.

Таким образом, мнение «экспертов» позиционируется постмодернистом как заведомо предвзятое, обусловленное их положением в государственной системе. Неудивительно, что оценка ими рассматриваемому тексту, написанному с совершенно противоположных позиций, дана самая разгромная.

Вместе с тем предисловие, написанное не лисой, а посторонними людьми, выполняет ещё и важную сюжетобразующую функцию. С его помощью писатель делает последние штрихи к финалу романа, который остался за кадром повествования А Хули, ибо поведать о том, как выглядело познание собственной природы со стороны и что было после прыжка с

трамплина, лиса в своих записках не могла: они были закончены ещё до финального путешествия в Битцевский парк.

Тот же «Комментарий» даёт ключ к идее романа, позволяя соотнести прозрение лисы А (кстати, имя её оказывается в данном контексте весьма значимым: в тибетском буддизме «А» – священный звук, символизирующий трансцендентную мудрость – пустоту – изначальное состояние человека) с реализацией радужного тела, которая достигается посредством практики учения дзогчен. Внешними признаками этой реализации являются уменьшение и исчезновение обычного тела и появление радуг, о которых говорится в предисловии.

Имеются в «Священной книге оборотня» и метатекстуальные высказывания о создаваемом тексте. По большей части они реализуют всё тот же приём «опережающей оценки». Так, лиса сама отмечает и объясняет своеобразие проявившегося в тексте стремления его автора разбивать всё на пункты и подпункты, даёт оценку своему объявлению «взыскательный критик назвал бы его компиляцией», обосновывает необходимость рассказа о Павле Ивановиче, отмечает, что в своём письме о жизни в России сестре Е «сгустила краски» [17, 39].

В «Священной книге оборотня» позволяет появляющееся в её конце резюме, в данном случае – отрывок из стихотворения, сочинённого лисой, имеющий метатекстуальный характер и являющийся прямым обращением к читателю:

Не будь бескрылой мухой с Крайней Туле,
Не бойся ночи, скрывшей всё вокруг.
В ней рыщут двое – я, лиса А Хули,
И пёс П...здец, таинственный мой друг...

Первая строчка его отсылает читателя к описанному лисицей А в письме своей сестре «мрачному северному развлечению», во время которого муху, оборвав ей крылья, сажают на конец крайней плоти. Важно отметить, что игра эта, по мнению А Хули, представляет собой «медитацию над безысходностью существования, одиночеством и смертью» [17, 39].

Список литературы

1. *Новейший философский словарь. Сост. Грицанов А.А. – Минск, 1998. – С. 219–223.*
2. Greimas A.J., Courtés J. *Semiotique: Dictionnaire raisonne de la theorie du langage.* – Paris, 1979. – P.249.
3. Шмид В. *Нарратология.* – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С.159
4. Ильин И. *Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм.* М., 1996
5. *Словарь иностранных слов. – 12-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 608 с.*
6. Лотман Ю. М. *Текст в тексте / Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / Сост. Р. Г. Григорьева; Пред. С. М. Даниэля – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 58 – 83.*
7. Вежицкая А. *Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. VIII.: Лингвистика текста: сборник статей / Отв. ред. Т. М. Николаева. – М.: Прогресс, 1978. – С. 402 – 421.*
8. Бахтин М. М. *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин; Вступ. ст., сост., коммент. С. Г. Бочаров; Примеч. С. С. Аверинцев. – Москва: Азбука, 2000. – 334 с.*
9. Лотман Ю. М. *Пушкин: Биография писателя. – СПб.: Искусство-СПБ, 1999. – 847 с.*
10. Сегал Д. М. *Литература как охранная грамота / Дмитрий Сегал. – М.: Водолей Publishers, 2006. – 976 с.*
11. Липовецкий М. Н. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.*
12. Жаккар Ж.-Ф. *Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности / Жан-Филипп Жаккар. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 408 с.*
13. Руднев В. П. *Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты / Руднев В. П. – М.: АГРАФ, 1999. – 384 с.*
14. Лотман Ю. М. *Текст в тексте / Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств») / Сост. Р. Г. Григорьева. – СПб.: Академический проект, 2002. – С. 58 – 83.*
15. Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2007. – 502 с.*
16. Липовецкий М. Н. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.*
17. Пелевин В. *Священная книга оборотня. – М.: Эксмо, 2004. – 384 с.*